

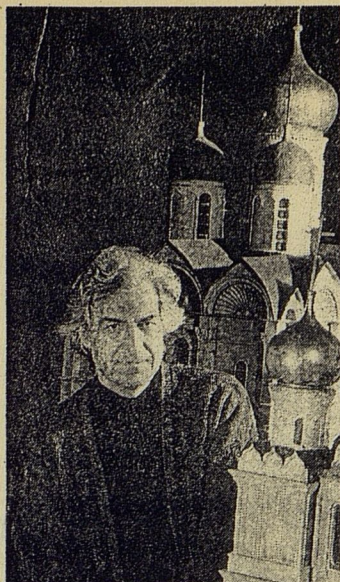
В душе Бориса скорбь...

В 1908 году по инициативе Сергея Дягилева московский Большой театр впервые представил на сцене Парижской оперы «Борис Годунов». Постановку осуществил А. Санин с декорациями А. Бенуа и А. Головина и костюмами И. Билибина. Партию Бориса пел Шаляпин. Начиная с 1922 года опера была показана в Париже в разных редакциях. В 1980 году она шла в оркестровке Шостаковича с участием Р. Раймонди. В 1988 году в «Пале-Гарнье», «Опера Комик» и в гастрольном турне театра «Эстония» были представлены редакции Мусоргского. В последние два года опера «Борис Годунов» шла и в Театре Елисейских полей. Этот спектакль петербургского Малого театра им. Мусоргского имел огромный успех у парижской публики.

И вот теперь Опера на площади Бастилии показала «Бориса Годунова» в постановке Яниса Кокоса, которую он впервые осуществил в 1989 году в городском театре Боломни. Костюмы и декорации спектакля также сделал сам Кокос. И это не случайно: начав свою карьеру в 1965 году в качестве сценографа, он оформил более 50 постановок. Пять лет тому назад Кокос начал совмещать оформление с режиссурой. Вот что Янис Кокос сам говорит о своей постановке:

— Во всех моих спектаклях я как бы раздваиваюсь — я и режиссер, и сценограф. Возможность существования сразу в двух ипостасях позволяет добиться более целостного осмысления произведения, более органичного его воплощения на сцене.

Я очень люблю эту оперу и рад, что ее поставил. Она говорит обо всем: о власти, любви, трагедии, истории и трагедии совести. И это — весь театр и вся жизнь. Спектакль — своего рода пластическое выражение того образа России, который давно живет в моей душе. Мои сценические ощущения — это сон о России. Во время работы втайне много думал о Тарковском. Он в то время был еще жив, но мы никогда не встречались. Меня всегда восхищала его поэтическая сила. Я старался мечтать

о России, как мечтал о ней Тарковский. Мне хотелось передать ее духовность, ее душевную боль.

— Исторически коронация Бориса Годунова проходила в яркий, солнечный день. Почему эту сцену, да и весь спектакль, вы сделали сумрачными?

— Да, я знаю историю. Но моя интерпретация связана с внутренним светом. В этой постановке время не реальное, а внутреннее. Все как бы происходит в душе Бориса. Моя интерпретация в большей степени психологическая, чем реальная. Спектакль действительно сумрачный, но в нем есть свет духовный. Это мое интимное видение.

— Среди исполнителей так много певцов из России...

— Это замечательные вокалисты. Паата Бурчуладзе — прекрасный певец, очень сдержанный и суровый. Он наполняет партию Бориса фантастической мощью. Надлом Бориса в его исполнении становится ощутимым.

— Какие русские оперы вы намерены поставить в будущем?

— Хотел бы сделать «Хованщину» и первую редакцию «Бориса Годунова» Мусоргского. На будущую осень есть проект, но это пока еще не точно, поставить «Бориса Годунова» в Сан-Франциско. Мне очень хотелось бы создать и драматический спектакль «Борис Годунов» по Пушкину. И, конечно, каждый раз я буду и режиссером, и сценографом...

Царь Борис в исполнении Паата Бурчуладзе предстает импозантным, но в то же время сломленным скорбью. Мо-

лодой грузинский певец, которого Герберт фон Караян назвал вторым Шаляпиным, сдержан во внешних проявлениях сильного характера. Его феноменальный голос и глубина внутренней трактовки образа оставляют неизгладимое впечатление. Буквально охватывает озноб от мощи первой фразы Бурчуладзе. И кажется, что именно для его масштабного, удивительного голоса создан этот гигантский зал Парижской оперы.

Паата Бурчуладзе дал интервью для читателей «Культуры».

— Что значит для вас партия Бориса Годунова?

— Это мечта всех басов и баритонов. В одних клавирах написано, что это баритональная партия, в других — бас-баритональная. Однако она такая мощная, что ее, по-моему, должны исполнять басы. Для меня «Борис Годунов» — это вершина оперного искусства. В первую очередь Годунов — очень яркий исторический персонаж. Партия Бориса интересна не только в плане вокальном и психологическом, но еще и тем, что она поистине неисчерпаема. Образ постоянно развивается, меняется, дополняется какими-то новыми чертами.

— Впервые вы исполнили партию Бориса в 1981 году на премьере в Тбилиси. Затем ее пели на лучших сценах мира: в Москве, Лондоне, Бостоне, Нью-Йорке, Париже, Вене, Афинах, Мюнхене. Если сопоставить все эти разные постановки, какая из них вам дороже и ближе всего?

— Самая дорогая — это первая постановка в Тбилиси. Мне тогда было 26 лет...

— В версии Кокоса меня поразила сумрачность, особенно в сцене коронации Бориса. В ней нет традиционного блеска и величия. Что вы думаете об этом?

— Я это тоже говорил постановщику. Кокос старался создать атмосферу скорби, царящей в душе Бориса.

Владислав Пьявко создает в спектакле запоминающийся образ князя Шуйского, вольного соперника Бориса. Яркое, незаурядное вокальное и актерское дарование Пьявко доставляет зрителям несомненное наслаждение.

Владислав Пьявко тоже делится своими впечатлениями с нашими читателями.

— Могли бы вы сравнить спектакль Большого театра с постановкой в Париже?

— Они абсолютно разные. Это естественно. У всех западных режиссеров есть очень странная особенность — либо полнейшее незнание истории России, либо ее умышленное принижение. Не только сейчас здесь, у Кокоса, но и у всех других Русь предстает в лохмотьях и мраке. В спектакле Большого театра, который Баратов поставил еще в пятидесятые годы, темные сцены сменяют светлые. Польский акт — весь в голубой дымке. На сцене были и настоящий фонтан, и выезд Дмитрия на белом коне. Здесь этого ничего нет. А коронация?! Гениальный художник Федоровский знал, что коронация Бориса произошла в полдень, когда солнце стояло в зените. Поэтому у него и купола блестят золотом. Все в мехах, парче и рядом гольтьба — русский люд, одетый бедно, но опрятно.

На Западе все время пытаются показать убожество России. Никогда этого не было! Русские всегда были живописны и романтичны, это люди огромной души и пылкого сердца. А нам и всему миру пытаются доказать, что Россия — страна медведей. Как ни странно, западная критика, когда Большой театр показывает старую постановку «Бориса Годунова» и «Хованщину», начинает его ругать, что привезли, дескать, «музей», «нафталин». А зрители, как только начинается пролог, ахают от восхищения, видя часть Новодевичьего монастыря... А нам говорят, что мы отстали и «закисли».

— Как вы оцениваете сценические и акустические возможности Оперы Бастилии?

— Откровенно говоря, я ими просто «убит». Это фантастика! Целый город! Вот где бы я хотел поставить «Пиковую даму».

— Недавно здесь ее поставил Кончаловский. После премьеры он мне сказал, что в этом театре могут летать вертолеты.

— И Кончаловский абсолютно прав. Сколько здесь карманов с движущимися фурами! Можно легко строить декорации и мгновенно их передвигать, смены между картинами могут быть очень быстрыми. Что касается акустики, то этот зал мне напоминает новый «Метрополитен». Слышимость здесь великолепная, акустика живая, работать легко. В зале слышен даже шепот...

Газета «Фигаро» опубликовала восторженную рецензию на спектакль. Называлась она «Ослепительный «Борис Годунов». Вот ее фрагмент: «Без сомнения, эта постановка — одна из самых красивых, которую я видел за последние годы. Красота, которую нам дарят в Опере Бастилии, околдовывает и поражает. Декорации Кокоса нас переносят со сдержанным реализмом в уникальный мир, в который вливается музыка тоже особого плана. Краски, затемненные временем, вдруг отражают золото и пурпур, которые горят, как музыка».

Необычайно хорош в партии Шуйского Владислав Пьявко. Паата Бурчуладзе в партии Бориса поражает красотой голоса, сверкающего несравненными гранями, безупречной чистотой пения, чувствительностью, которой чужды внешние эффекты».

В. ИГНАТОВ.

ПАРИЖ.

● Янис Кокос — постановщик оперы «Борис Годунов».

● Сцена из спектакля. Борис — Паата Бурчуладзе, князь Шуйский — Владислав Пьявко.

Фото Кленефен — Моатти.

